

Цзян Чу нажал кнопку смыва, зачерпнул из-под крана горсть воды, чтобы прополоскать рот, и неловко повернулся к застывшему у двери Цинь Цзую:

— Слушай, извини. Это я не в твой адрес.

Цинь Цзуй молча смерил его тяжелым взглядом, развернулся и вышел в коридор.

Цзян Чу услышал, как в комнате щелкнул выключатель, зашумела вода, а затем стакан с глухим стуком опустился на обеденный стол.

Когда Цзян Чу закончил приводить себя в порядок и вышел в коридор, дверь в комнату парня была плотно заперта. Чжоу Тэн устроился на коврик прямо у его порога.

— Быстро же ты переметнулся на его сторону, а? — шепотом попенял он собаке.

Пёс лениво вильнул хвостом и даже не соизволил поднять голову.

На следующее утро Цзян Чу разбудил аппетитный аромат, струившийся из кухни.

Цинь Цзуй уже вовсю завтракал за столом: он сварил рисовую кашу, принес свежих хрустящих хворостов-ютя и чайных яиц.

— И чего не разбудил? — зевая во весь рот, пробормотал Цзян Чу.

Он лениво выбрел из спальни и расслабленно сполз на стул напротив парня.

Стоило ему потянуться к пиале с кашей, как Цинь Цзуй тут же перехватил его руку палочками.

— Зубы почисти, — безучастно бросил мелкий, дожёвывая кусок хвороста.

— А, точно... — Цзян Чу сонно потер затылок, со вздохом поднялся и поплелся обратно в ванную.

Когда он вернулся к столу, они завтракали в мирной тишине. О вчерашнем нелепом столкновении в темноте никто из них не заикался.

Цзян Чу не видел в случившемся ничего особенного. Обычная случайность. В школьные годы парни и не так дурачились. Переживать из-за подобного пустяка мог разве что колючий Цинь Цзуй со своими подростковыми гормонами. Но, сколько Цзян Чу ни приглядывался к нему поверх миски, парень вел себя как ни в чем не бывало.

«Похоже, за то время, что он живет у меня, среди всех этих вечных стычек и разборок его кожа успела заметно погрубеть».

В этот раз Цинь Шумань решила обойтись без ресторана. Около половины одиннадцатого Цзян Ляньтянь набрал сына и пригласил их на домашний праздничный обед.

На лице Цинь Цзюя не отразилось ни единой эмоции — всё то же привычное равнодушие с легкой примесью раздражения. Тем не менее он молча сел в машину, чтобы поехать праздновать собственный день рождения.

— Ты ведь там еще не был? — спросил Цзян Чу, выруливая со двора. — В её новом доме.

— Не был, — коротко отозвался парень.

— Твой день рождения тринадцатого числа? — Цзян Чу скользнул по нему быстрым взглядом.

Цинь Цзуй повернул к нему голову.

— Когда мы в прошлый раз были в больнице, я мельком глянул на твое удостоверение. Там стояло тринадцатое сентября.

Тот промолчал, что у него обычно означало согласие.

Стоило заговорить о его празднике, как Цинь Цзуй уходил в глухую оборону. В прошлый раз Цзян Чу так и не удалось выпытать, в каком именно году парень родился. Впрочем, сейчас это было не так уж важно. Цзян Чу больше заботил вопрос с подарком. Он достал пачку, привычным щелчком выбил сигарету и зажал ее губами.

«Вчера я так не вовремя вломился к нему... Может, реально подарить парню игрушку-мастурбатор?»

Размышляя об этой нелепости, он хотел было бросить пачку на приборную панель, но Цинь Цзуй перехватил его руку и вытащил сигарету себе.

— Не рановато ли баловаться? — Цзян Чу усмехнулся, глядя на дорогу. — Сегодня ты еще не пил, школьник.

Цинь Цзуй на секунду замер, услышав такое обращение, но ничего не ответил. Он достал из кармана зажигалку, чиркнул колесиком и поднес пламя к лицу Цзян Чу.

Цзян Чу слегка наклонил голову, прикурил из его рук, затянулся и, прищурившись от дыма,

опустил стекло.

На полпути к месту назначения пришлось запустить навигатор. После свадьбы отец с Цинь Шумань купили новую квартиру. Цзян Чу бывал там всего раз года два назад и дорогу помнил смутно.

Въехав во двор жилого комплекса, он набрал отца, чтобы уточнить номер подъезда. Когда они с Цинь Цзуюм поднимались в лифте, Цзян Чу невольно охватила тоскливая ирония: четыре человека собираются за одним столом, но ни один из них не чувствует себя частью этой семьи. Он скользнул взглядом по виновнику торжества. У того на душе наверняка было еще паршивее.

— Ладно тебе, взбодрись немного, — Цзян Чу дружески приобнял парня за плечи.

И подумал, что раз уж за последнее время он видит отца так часто, то скоро нужно будет проведать и собственную мать.

У Цинь Цзуюа действительно выработался стойкий иммунитет к его тактильности. Он даже не попытался сбросить чужую руку, лишь молча посмотрел на Цзян Чу.

Едва они вышли из лифта на лестничную площадку, как в нос ударил густой, дразнящий аромат тушеных свиных ребрышек.

Дверь им открыла Цинь Шумань. Из глубины квартиры тут же донесся зычный голос Цзян Ляньтяня:

— Это Цинь Цзуй пришел? Или курьер торт принес?

Цинь Шумань сдержанно улыбнулась сыну, быстро окинула взглядом его одежду, но поздоровалась сначала с пасынком:

— На дорогах сегодня, должно быть, пробки, Сяо Чу? — Она отступила, пропуская их в прихожую, и протянула Цзян Чу тапочки.

— Да, есть немного, — Цзян Чу вежливо улыбнулся. Приняв обувь, он первым делом подтолкнул ее ногой к Цинь Цзую, а сам взял вторую пару.

Из дверей кухни высунулся улыбающийся отец:

— Проходите, присаживайтесь! Торт с минуты на минуту доставят, мать с самого утра специально ездила заказывать... О, Цинь Цзуй, постригся? Тебе идет, возмужал!

Цинь Цзуй проигнорировал слова матери и лишь сдержанно кивнул отчиму.

Цзян Чу стянул с тарелки кусочек жареной баранины с зирой. Наблюдать за этой парой было невыносимо неловко.

«И мачеха хороша. Вчера ведь сама звонила, делов-то — заказать торт в один клик. Нет, надо было тянуть до сегодняшнего утра. Неужто надеялась, что так свежее будет?»

— Сяо Чу, зайди на секунду, помоги салат заправить! — снова крикнул из кухни Цзян Ляньтянь.

За всю жизнь Цзян Чу научился готовить только жареный рис, так что кулинарный призыв отца был явным предлогом для разговора с глазу на глаз.

Найдя на тумбе пульт, он включил первый попавшийся канал, чтобы в гостиной не висела гробовая тишина, и, проходя мимо Цинь Цзюя, слегка похлопал его по спине:

— Посиди пока, в телефоне позалипай.

— Баранина отличная, — похвалил Цзян Чу, заходя на кухню и включая воду, чтобы помыть руки.

— А то! Свежайшая, только утром привезли, — отозвался Цзян Ляньтянь, вручая ему миску и три столетних яйца-пидань. — Очисти пока.

— Устрицы можешь убирать, — бросил Цзян Чу, заметив среди заготовок морепродукты, и аккуратно треснул скорлупу о край стола.

— Это еще почему? Ты разве их не любишь? — Отец пододвинул к нему ногой мусорное ведро.

— У Цинь Цзюя аллергия на морепродукты. В прошлый раз, после твоего приветственного ужина, он весь красными пятнами покрылся.

Цзян Ляньтянь растерялся и заметно понизил голос:

— А чего ж он промолчал?

— Так твоя благоверная тоже не удосужилась предупредить, — усмехнулся Цзян Чу.

Отец промолчал, лишь бросил тревожный взгляд в сторону гостиной. Мать и сын сидели на противоположных концах дивана, словно совершенно чужие люди, волею судеб оказавшиеся в

одной комнате.

Прикрыв дверь поплотнее, Цзян Ляньтянь достал сигареты, прикурил и протянул пачку сыну.

Цзян Чу отрицательно качнул головой и тихо спросил:

— Она ему вообще родная мать?

— Что за глупости, — проворчал Цзян Ляньтянь, убавляя огонь под кастрюлей с супом. Он тоже взял яйцо и принялся неторопливо счищать скорлупу, едва шевеля губами из-за зажатой в зубах сигареты. — Разлучились они рано. Когда твоя тетя Цинь разводилась с его отцом, пацану всего лет шесть-семь было. Столько лет толком не общались, вот только недавно его забрали сюда. Понятное дело, чувствуют себя чужаками.

«Забрали, значит?»

— В смысле? — Цзян Чу изогнул бровь, не отрываясь от работы. — То есть, не умри его отец, она бы о сыне и не вспомнила?

Отец явно знал больше, чем говорил, это отлично читалось по его лицу, но развивать тему он не желал.

— И как они дальше планируют общаться? — продолжил расспросы Цзян Чу. — С таким отношением пусть даже не надеется, что Цинь Цзуй в старости ей стакан воды поднесет.

— Ты никак сам мечтаешь своего старика без присмотра оставить? — в шутку пнул его под зад Цзян Ляньтянь.

— Эй, осторожней, миску уроню, — Цзян Чу уклонился, поймав себя на мысли, что сейчас заговорил в точности как Цинь Цзуй.

Цзян Ляньтянь глубоко затянул сигарету, выпуская дым в вытяжку. На его лице отразилась секундная нерешительность, будто он наконец созрел для откровенного разговора, но в этот момент в прихожей раздался звонок.

— Скоро вы там? — Цинь Шумань заглянула на кухню с коробкой торта в руках и мягко улыбнулась. — Да не возитесь вы так, приготовьте что-нибудь попроще. Может, помочь?

— О, торт привезли? — Цзян Ляньтянь затушил сигарету под струей воды. — Да нет, всё почти готово. Пусть Цинь Цзуй пока коробку откроет.

— Всё, я закончил, — Цзян Чу опустил последнее яйцо в миску. — Заправляй давай, а я пойду.

Ополоснув руки, он забрал у мачехи торт, вынес его в гостиную и водрузил в центр стола.

Цинь Шумань зашла на кухню помогать мужу. Цзян Чу скользнул взглядом по Цинь Цзую, примостился на подлокотник кресла рядом с ним и слегка пихнул его локтем.

Стоило парню повернуться, как Цзян Чу молниеносным жестом закинул ему в рот ароматный кусочек баранины.

— Налегай потом на суп, — посоветовал Цзян Чу, вытягивая из пачки салфетку, чтобы вытереть пальцы. Глядя на озадаченное лицо Цинь Цзую, который замер с набитым ртом, он едва сдерживал смех. — Отец из него так себе, но вот готовить он умеет божественно. Моя мама всегда говорила, что его истинное призвание — стоять у плиты в каком-нибудь ресторане.

Цинь Цзуй долго, не отрываясь, смотрел в его смеющиеся глаза. Затем уголок его губ на удивление мягко дрогнул в ответ.

— Понял, — тихо буркнул он, отвернулся к телевизору и принялся наконец жевать.

Когда накрыли на стол и все четверо расселись по местам, Цзян Чу окончательно пожалел о том, что согласился прийти.

Это было самое невыносимо неловкое застолье в его жизни. Без преувеличений. Даже тот случай, когда его друг Фан Цзы решил признаться в любви первой красавице факультета прямо на её дне рождения и получил при всех жесткий от ворот поворот, не шел ни в какое сравнение с этим кошмаром.

Цзян Ляньтянь изо всех сил натягивал улыбку, пытаясь расшевелить компанию разговорами, Цинь Шумань старательно ему поддакивала, но оба выглядели неестественно. Мачеха практически не смотрела на собственного сына — её взгляд блуждал где угодно, чаще задерживаясь на Цзян Чу, словно лицо Цинь Цзую было утыкано невидимыми иглами, способными ранить её глаза при малейшем контакте.

Цзян Чу честно пытался вставить пару фраз, чтобы разрядить обстановку, но именинник сидел с каменным лицом, транслируя абсолютное безразличие к происходящему. Всё это было безумно утомительно.

— Ну что, может, перейдем к десерту? — Цзян Ляньтянь потер ладони и заговорщически подмигнул сыну, беззвучно одними губами артикулируя имя пасынка.

— Давай, открывай, — Цзян Чу слегка пихнул ножку стула Цинь Цзую своей ногой.

Тот выдавил подобие вежливой улыбки отчиму и потянул за шелковую ленту на коробке.

— Помоги ему, — Цзян Ляньтянь мягко коснулся плеча жены.

— Надеюсь, кондитерам удалось всё красиво оформить. Девушка на кассе так расписывала их мастерство, — смущенно улыбнулась Цинь Шумань. Она поправила волосы, поднялась и аккуратно сняла картонную крышку.

Торт оказался самым заурядным, из сетевой кондитерской, хоть и украшен был довольно мило — аккуратные кремовые завитки по краям. Но взгляды всех четверых мгновенно приковала изящная надпись шоколадным сиропом по центру.

«С днем рождения, Цинь Цзуй!» — гласила надпись, вот только вместо его настоящего имени кондитеры вывели иероглиф-омофон, означающий «пьяный».

— Ну и растяпы, — усмехнулся Цзян Чу, пытаясь сгладить неловкость. — Видимо, когда заказ принимали, краем уха слушали. Надо же было так ошибиться в имени.

Однако его шутку никто не поддержал. Цинь Цзуй, Цинь Шумань и Цзян Ляньтянь уставились на злополучный иероглиф с таким видом, словно перед ними лежала готовая к взрыву граната.

«Да что происходит-то?»

«Обычная опечатка, ничего криминального. Чего они так напряглись?»

— Давайте я новый закажу, — предложил он, доставая телефон.

— Да, точно! Пусть брат закажет другой, побыстрее, — поспешно закивал Цзян Ляньтянь.

Цинь Цзуй слегка шевельнул рукой, прижал руку Цзян Чу, перевел взгляд с торта на лицо Цинь Шумань и с бесстрастным выражением посмотрел на нее.

Цинь Цзуй перехватил руку Цзян Чу, не давая ему набрать номер. Он медленно перевел тяжелый взгляд с торта на побелевшее лицо матери.

— Я... — Цинь Шумань растерянно захлопала ресницами. Она испуганно посмотрела на сына, затем на мужа и снова вернулась к ледяному лицу Цинь Цзуя.

— Это кондитерская напортачила, Цинь Цзуй, — попытался вмешаться Цзян Ляньтянь. — Твоя мама...

Договорить он не успел. Стул Цинь Цзюя с резким, режущим слух скрежетом отлетел назад. Парень резко поднялся.

Цзян Чу нахмурился. На секунду ему показалось, что младший сейчас взорвется и разнесет тут всё к чертям, поэтому он чисто инстинктивно перехватил его запястье.

Цинь Цзуй резко вырвал руку. Он не стал устраивать сцену и громить стол. Еще раз бросив взгляд на проклятую надпись, он просто протянул руку и выдернул из торта блестящую металлическую табличку с цифрой «17».

— Ошиблись, — негромко произнес Цинь Цзуй.

Он с силой надавил большим пальцем на хрупкий пластик, и цифра с сухим треском переломилась пополам. Обломки упали на скатерть. Цинь Цзуй в упор посмотрел на мать:

— Мне исполнилось восемнадцать.

Веки Цинь Шумань дрогнули. Она беззвучно приоткрыла рот, но не смогла выдать ни слова.

Цинь Цзуй не собирался ничего слушать. Он отшвырнул мешавший стул и стремительно направился к выходу.

<http://bllate.org/book/18398/1768230>